

Благодарности

Питеру Марсу и Брюсу Блейку, которые помогли разобраться в тонкостях полицейской службы.

Маргарет Гринвальд, доктору медицины, за то, что позволила заглянуть в мир судебно-медицинской экспертизы.

Джине Сентрелло за ее неугасающий энтузиазм.

Линде Марроу, редактору, о котором мечтает любой писатель.

Селине Уокер, моей чудо-помощнице по ту сторону Атлантики.

Джейн Берки, Доналду Клири и замечательной команде Агентства Джейн Ротрозен.

Мег Рули, моему литературному агенту, защитнице, путеводной звезде. Никто не смог бы лучше.

И моему мужу Джекобу, который даже по прошествии стольких лет остается моим лучшим другом.

ПРОЛОГ

Андхра-Прадеш Индия

Водитель отказался везти его дальше.

Вскоре после того, как они миновали заброшенный химический завод «Октагона», асфальтовое покрытие сменилось бездорожьем. Шофер начал жаловаться на то, что кусты царапают кузов, а после недавних дождей недолго и застрять в грязи. И что тогда делать? Сидеть на мели в ста пятидесяти километрах от Хайдарабада? Говард Редфилд терпеливо выслушивал стенания, хотя прекрасно сознавал, что все кажущиеся убедительными доводы лишь предлог, скрывающий истинную причину нежелания водителя следовать дальше. Мало кто может с легкостью признаться в том, что боится.

У Редфилда не было выбора. Отсюда ему предстояло идти пешком.

Он наклонился к самому уху водителя и уловил слабый запах пота. В зеркале заднего вида, под которым болтались и гремели бусины, он увидел отражение вперившихся в него темных глаз.

— Вы ведь подождете меня? — спросил Редфилд. — Стойте прямо здесь, на дороге.

— И как долго?

— Может, час. Столько, сколько понадобится.

— Говорю же вам, нечего там смотреть. Там уже давно никого нет.

— Просто подождите здесь, договорились? Подождите. Я заплачу вам в два раза больше, когда мы вернемся в город.

Редфилд схватил свой рюкзак, вышел из кондиционированной прохлады автомобиля и тут же утонул в душливом влажном мареве. Он не носил рюкзак со студенческой поры, когда путешествовал по Европе без гроша в кармане, а сейчас, в пятьдесят один, вскидывая свою ношу на дряблые плечи, он мало чем напоминал себе прежнего спортивного юношу. Но в этой стране-парилке он и шагу не мог ступить без бутылки с чистой питьевой водой, репеллента, солнцезащитных очков и лекарства от диарей. И еще без фотоаппарата; с ним он тоже не мог расстаться.

Он стоял, обливаясь потом, глядел на небо и думал: «Отлично, солнце уже заходит, и москиты готовы к вечерней охоте. Вот вам и ужин, маленькие кровопийцы».

Он двинулся вперед по дороге. Высокая трава скрывала тропинку, и он ступил в борозду, тут же по щиколотку увязнув в грязи. Судя по всему, здесь уже давно никто не ездил, и матушка-природа быстренько отвоевала территорию. Он остановился, отбиваясь от насекомых, потом оглянулся и увидел, что машина скрылась из поля зрения; от этого ему стало не по себе. Стоило ли верить водителю, который пообещал ждать его? Парень без особой охоты согласился везти его в такую даль, а на бездорожье и вовсе разнервничался. Как он сказал, у этих мест дурная слава, много чего здесь происходило. Они просто могли исчезнуть, и кто бы стал их искать?

Но Редфилд настоял на своем.

Влажный воздух, казалось, сомкнулся вокруг него. Он слышал, как булькает вода в бутылке за спиной, и, хотя жажда уже давала о себе знать, он не останавливался. Светового дня оставалось не больше часа, и нужно было поторапливаться. В траве жужжали насекомые, а сверху, из густых крон деревьев, доносились звуки, которые он счел бы пением птиц, только вот никогда еще не слышал ничего подобного. Все в этой стране было каким-то странным и сюрреалистичным. Редфилд устало тащился по грязной дороге, чувствуя, как по груди струйками стекает пот. С каждым шагом дышать становилось все труднее. Судя по карте, он прошел всего пол-

торы мили, но ему казалось, что он идет уже целую вечность, и к тому же свежие порции репеллента ничуть не пугали москитов. В ушах стояло их непрерывное жужжание, а лицо превратилось в зудящую маску, сотканную из роя насекомых.

Он остушился и рухнул в очередную глубокую яму, коленями в высокую траву. Выплюнул попавшие в рот травинки, с трудом отдышался и, чувствуя, что сил уже нет, подумал: не пора ли поворачивать назад. Сесть в самолет и, поджав хвост, вернуться в Цинциннати. В конце концов, трусость была намного безопаснее. И гораздо комфортнее.

Редфилд подавил вздох, уперся ладонями в землю, чтобы подняться, и замер, уставившись на траву. Что-то сверкнуло среди зеленых стеблей, что-то металлическое. Это была всего лишь дешевая оловянная пуговица, но в тот момент она показалась ему знаком. Талисманом. Он сунул ее в карман, поднялся на ноги и продолжил путь.

Всего через сотню шагов дорога расширилась и вывела на огромную поляну, окруженную высокими деревьями. Вдали показалось одинокое строение — обгоревшее каменное здание с ржавой крышей. От легкого ветерка шуршали ветви деревьев, колыхалась трава.

«Вот оно, это место, — подумал он. — Вот где это случилось».

Собственное дыхание вдруг показалось ему чересчур громким. Сердце гулко стучало, когда он снял с плеч рюкзак, расстегнул его и достал фотокамеру. «Все документируй, — думал он. — „Октагон“ попытается представить тебя вруном. Они сделают все возможное, чтобы дискредитировать тебя, так что нужно быть готовым к обороне. Ты должен доказать, что говоришь правду».

Редфилд двинулся вперед, к груде почерневших веток. Разворошив хворост мыском ботинка, он уловил запах горелого дерева. И попятился, чувствуя, как холодок пробежал по спине.

Это были остатки погребального костра.

Взмокшими руками он снял крышку с объектива и начал фотографировать. Прижав глаз к видоискателю, он щелкал

кадр за кадром. Пепелище. Детская сандалия в траве. Лоскут яркой ткани, оторванный от сари. Всюду, насколько хватал глаз, он видел смерть.

Говард повернулся вправо, и в окошке видеоискателя промелькнул зеленый ковер травы. Он уже собрался делать новый снимок, как вдруг палец его застыл на кнопке.

По краю кадра скользнул силуэт.

Выпрямившись, он опустил фотоаппарат и взгляделся в деревья. Теперь он ничего не видел, кроме сплетения веток.

Что это было — какое-то подобие движения, которое он уловил краем глаза? Во всяком случае, что-то темное мелькнуло среди деревьев. Обезьяна?

Нужно было продолжать съемку. Световой день стремительно угасал.

Он прошел мимо каменного колодца к строению с ржавой крышей, не забывая оглядываться по сторонам. Казалось, у деревьев были глаза и они наблюдали за ним. Подойдя ближе к дому, он увидел почерневшие от копоти стены. Перед входом высился холмик из золы и хвороста. Еще один погребальный костер.

Он переступил через холмик и заглянул в дверной проем.

Поначалу он ничего не разглядел в этом мрачном интерьере. Наступали сумерки, а внутри было еще темнее — сплошь черные и серые тона. Он подождал, пока глаза не привыкнут к темноте. Со все возрастающим изумлением он заметил, что в глиняном кувшине сверкнула свежая вода. Пахнуло специями. Как это возможно?

За спиной хрустнула ветка.

Он быстро обернулся.

Одинокая фигура стояла на поляне. Вокруг все замерло — и деревья, и птицы. Фигура двинулась навстречу какой-то странной подпрыгивающей походкой и остановилась в нескольких шагах от него.

Камера выпала из рук Редфилда. Он в ужасе отпрянул.

Это была женщина. И у нее не было лица.

Ее называли Королевой мертвых.

Хотя в глаза этого никто не произносил, доктор Маура Айлз частенько слышала это прозвище, долетавшее с обрывками разговоров, которые сопровождали ее появление в залах судебных заседаний, на местах преступлений и в морге. Иногда она улавливала и нотки мрачного сарказма: «Ха-ха, а вот и готическая богиня явилась за свежатинкой!» В шепотках за ее спиной угадывалось скрытое напряжение, совсем как в бормотании верующих, завидевших в своих рядах неверного. Это было беспокойство тех, кто никак не мог понять, почему ее призванием стало общение со смертью. Неужели она находит в этом удовольствие? Неужели прикосновение к остывшей плоти, запах разложения привлекают ее настолько, что она не обращает внимания на живых? Окружающие считают это ненормальным и потому бросают в ее сторону косые взгляды, подмечая детали, которые еще больше укрепляют их во мнении, что она все-таки со странностями. Мраморная кожа, черные волосы, стриженные под Клеопатру. Красная помада на губах. Кто еще красит губы, отправляясь на место убийства? Но больше всего настораживает ее спокойствие, когда она своим царственным холодным взором окидывает жуткие сцены преступлений, вызывающие у других рвотный рефлекс. В отличие от окружающих она не отводит взгляда. А нагибается ниже, пристально смотрит, щупает. Нюхает.

А потом под ярким светом ламп в своей лаборатории препарирует трупы.

Вот и сейчас она работала: ее скальпель скользил по охлажденной коже, вспарывая подкожный слой жира, который отсвечивал маслянистым желтым блеском. «Любитель гамбургеров и картофеля фри», — думала Маура, секатором вскрывая грудную клетку, чтобы обнажить ее сокровищницу. Она делала это так буднично, словно распахивала дверцу кухонного шкафа.

Сердце покоилось в губчатой колыбели легких. Пятьдесят девять лет оно качало кровь по телу мистера Самюэля Найта. Оно росло вместе с ним, старилось, так же как и он, трансформируясь из упругой мышечной ткани в заплывшую жиром массу. Все насосы со временем ломаются, не избежало этой участи и сердце мистера Найта, когда тот сидел в своем гостиничном номере перед телевизором со стаканом виски из мини-бара.

Доктор Айлз не стала отвлекаться на раздумья о том, какими могли быть его последние мысли, испытывал ли он боль или страх. Хотя она и исследовала самые интимные участки его тела, держала в руках его сердце, мистер Самюэль Найт оставался для нее незнакомцем, молчаливым и непритязательным, охотно раскрывающим свои секреты. Мертвые терпеливы. Они не жалуются, не угрожают, не насмеваются.

Мертвые не могут обидеть; на это способны только живые.

Она работала с тихим упорством, производя резекцию грудины, выкладывая на препаровочный столик освобожденное сердце. За окном кружился первый декабрьский снег, белые хлопья с шуршанием бились о стекла, заматали аллеи. Но здесь, в лаборатории, тишину нарушали лишь звук льющейся из крана воды и шипение вентилятора. Ее ассистент Йошима двигался почти бесшумно и, предугадывая просьбы, возникал из ниоткуда в нужный момент. Они работали вместе всего полтора года, но уже казались единым организ-

мом, подчиненным телепатии двух логических умов. Ей не нужно было просить изменить угол освещения — это уже было сделано, и свет падал на влажное сердце, а заранее подготовленные ассистентом ножницы ожидали своей очереди.

Испещренная темными крапинами стенка правого желудочка и белый рубец на апикальной области поведали ей печальную историю этого сердца. Инфаркт миокарда, перенесенный несколько месяцев, а может, и лет назад, уже разрушил часть стенки левого желудочка. И вот в течение последних суток случился новый инфаркт. Тромб заблокировал правую коронарную артерию, перекрыв доступ крови к мышце правого желудочка.

Она сделала резекцию ткани для гистологического исследования, заранее зная, что увидит под микроскопом. Коагуляцию и некроз. Вторжение белых кровяных телец, ринувшихся на защиту организма. Возможно, Самюэль Найт решил, что дискомфорт в груди вызван обычным несварением желудка. Пожалуй, ланч был чересчур обильным, не стоило есть так много лука, наверное, подумал он. И понадеялся на спасительный пептобисмол. А может, были и более угрожающие симптомы, которые он предпочел игнорировать: сильная тяжесть в груди, прерывистое дыхание. Во всяком случае, ему точно не пришло в голову, что это сердечный приступ.

И он даже не догадывался о том, что днем позже умрет от аритмии.

Теперь его истерзанное сердце лежало на препаровочном столике. Маура Айлз посмотрела на тело, лишившееся всех своих органов. «Вот и закончилась ваша командировка в Бостон, — подумала она. — Неудивительно, господин Найт. Ничего такого, за исключением жестокого обращения с собственным организмом».

Раздался зуммер телефона внутренней связи.

— Доктор Айлз, — сказал голос Луизы, секретаря.

— Да!

— Детектив Риццоли на второй линии. Вы ответите?

— Да, сейчас.

Маура сняла перчатки и подошла к телефонному аппарату, что висел на стене. Йошима, промывавший в раковине инструменты, тут же выключил воду. Он обернулся и уставился на доктора своими спокойными тигриными глазами, уже зная, чего ждать от звонка Риццоли.

Когда Маура наконец повесила трубку, она увидела немой вопрос в его глазах.

— Сегодня что-то рановато начинается, — сказала доктор.

Переодевшись, она покинула морг, чтобы пополнить свое царство еще одним подданным.

Утренний снегопад обернулся предательской смесью дождя со снегом, а очистителей на улицах не было и в помине. Маура осторожно вела машину по Джамайка-Риверуэй, колеса шуршали в снеговой каше, а дворники отчаянно скребли по ледяной корке на ветровом стекле. Это была первая зимняя буря в нынешнем сезоне, и автомобилисты еще не приноровились к сложным погодным условиям. По дороге ей уже встретилось несколько аварий, и сейчас она как раз проезжала мимо мигающей огнями патрульной машины, а чуть поодаль полицейский и водитель разглядывали съехавший в кювет грузовик.

Колеса «лексуса» заскользили в сторону, и автомобиль начало заносить на полосу встречного движения. В панике Маура ударила по тормозам и почувствовала, что, предотвращая занос, сработала автоматика. Машина вернулась на свою полосу. «К черту все это, — подумала Маура, стараясь унять сердцебиение. — Пора снова вернуться в Калифорнию». Она сбавила скорость и почти ползла по дороге, не обращая внимания на злобные сигналы плетущихся позади автомобилей. «Обгоняйте меня, идиоты! Немало я повидала вас, лихачей, на своем рабочем столе».

Дорога вывела ее в Джамайка-Плейн, западную округу Бостона с роскошными старинными особняками, широкими лужайками, спокойными парками и набережными. В летнее время это идеальное убежище от бостонского шума и жары, но сегодня под унылыми небесами и свирепыми ветрами, буйствующими на опустевших лужайках, здесь было холодно и неуютно.

Дом, который она разыскивала, оказался самым непривлекательным местом — здание пряталось за высоким каменным забором, опутанным зарослями плюща. «Баррикада от внешнего мира», — подумала Маура. С улицы ей удалось разглядеть лишь готические пики шиферной крыши и единственное окошко на фронтоне, смотревшее на нее своим темным глазом. Патрульная машина, припаркованная у ворот, подсказала ей, что адресом она не ошиблась. Пока к месту происшествия съехало не так много машин — это были ударные части, предупреждавшие появление армии криминалистов всех мастей.

Маура припарковалась на противоположной стороне улицы и приготовилась сопротивляться порывам ветра. Когда она вышла из машины, ее ботинки заскользили по тротуару, и она едва удержалась на ногах, уцепившись за открытую дверцу. Восстановив равновесие, Маура почувствовала, как по икрам ног струится ледяная вода с подола пальто, успевшего промокнуть в слякоти. Какое-то время она не могла двинуться с места и стояла, подставив лицо мокрому снегу и удивляясь столь внезапному приходу зимы.

Она перевела взгляд на полицейского, сидевшего за рулем патрульной машины, и увидела, что тот наблюдает за ней, — похоже, он был свидетелем ее неуклюжести. В ней зыграла гордость, и она, схватив с переднего сиденья свой чемоданчик, резко захлопнула дверцу и величаво, насколько это было возможно, двинулась через дорогу.

— Все в порядке, доктор? — крикнул из окна полицейский с беспокойством, которое она вовсе не приветствовала.

- Лучше не бывает.
- Советую смотреть под ноги. Во дворе очень скользко.
- Где детектив Риццоли?
- Они все в часовне.
- А где это?
- Найти очень легко. Дверь с большим крестом.

Маура проследовала к воротам, но обнаружила, что они заперты. На стене висел железный колокол; она потянула за веревку — раздался глухой звон, постепенно растворившийся в шуршании ледяного дождя. Прямо под колоколом висела бронзовая табличка, надпись на которой была трудноразличима под зарослями бурого плюща:

Аббатство Грейстоуна
Сестринская община Пресвятой Богородицы
«Жатвы много, а делателей мало;
итак, молитесь Господина жатвы,
чтобы выслал делателей на жатву Свою».

За воротами внезапно возникла женская фигура в черном одеянии. Она появилась так бесшумно, что Маура опешила, увидев лицо женщины, которая наблюдала за ней сквозь решетку ворот. Это было лицо древней старухи, изрезанное глубокими морщинами, но глаза были яркими, а взгляд цепким, как у птицы. В глазах монахини читался немой вопрос.

— Я доктор Айлз, судебно-медицинский эксперт, — сказала Маура. — Меня вызвала сюда полиция.

Ворота распахнулись.

Маура вошла в монастырский двор.

— Я ищу детектива Риццоли. По-видимому, она в часовне.

Монахиня жестом указала ей дорогу через двор. После чего отвернулась и медленно прошествовала к ближайшему порталу, оставив Мауру в одиночестве.

Снежинки, словно белые бабочки, порхали между струйками ледяного дождя. К часовне можно было пройти прямо через двор, но булыжник блестел ледяной коркой, а ботин-

ки на гладкой подошве уже доказали свою полную непригодность для ходьбы по такой поверхности. Поэтому Маура предпочла оказаться под навесом и двинулась в обход по тропинке, проложенной по периметру двора. Хотя теперь она была защищена от сыпавшейся сверху снежной крупы, ветер все равно пронизывал насквозь, напоминая о том, каким свирепым может быть декабрь в Бостоне. Большую часть своей жизни Маура провела в Сан-Франциско, где снег был редким чудом, а не такой пыткой, как здесь: там ей не приходилось беречь лицо от жалящих укусов белых мух. Проходя мимо темных окон, она жалась к стенам здания, куталась в пальто. Где-то вдалеке шумела Джамайка-Риверуэй. Но здесь, во дворе, ее окружала полная тишина. Монастырь казался безлюдным, если не считать той старухи-монашки, что впустила ее.

Поэтому доктор даже немного испугалась, заметив в одном из окон три женских лица. Монахини застыли в скорбном молчании, словно привидения в черных одеждах, наблюдая за тем, как незваная гостья пробирается все дальше в их святую обитель. Глаза всех трех женщин следили за ней.

Вход в часовню был перекрыт желтой лентой полицейского оцепления, уже провисшей под тяжестью мокрого снега. Доктор приподняла ленту и, шагнув под нее, толкнула входную дверь.

Ее буквально ослепила вспышка фотокамеры, и она застыла на месте, моргая в попытке нейтрализовать действие вспышки; тем временем дверь за ее спиной со скрипом захлопнулась. Когда в глазах прояснилось, Маура увидела ряды деревянных скамей, беленые стены и огромных размеров распятие над алтарем. Это была аскетически суровая молельня с тусклыми оконцами, которые едва пропускали свет.

— Стойте, где стоите. И смотрите под ноги, — сказал фотограф.

Маура перевела взгляд на каменный пол и увидела кровь. Отпечатки множества подошв; пустые шприцы и надорван-

ные стерильные упаковки — медицинский мусор, оставленный бригадой «скорой помощи». Но труп не было.

Она огляделась по сторонам и в проходе между рядами увидела кусок белой ткани, брызги крови на скамьях. И даже пар, вырывающийся у нее изо рта. В этом помещении, больше похожем на морозильную камеру, было еще холоднее, чем на улице, и озноб усилился, когда она вгляделась в кровавые пятна на скамьях и представила себе картину произошедшего.

Фотограф снова защелкал камерой, и с каждым новым снимком вспышка все безжалостней била по глазам Мауры.

— Эй, доктор! — В глубине часовни всплыла копна темных волос — это детектив Джейн Риццоли поднялась на ноги и помахала Мауре рукой. — Жертва здесь.

— А у двери что за кровь?

— Это кровь другой жертвы, сестры Урсулы. Ребята из «скорой помощи» забрали ее в больницу Святого Франциска. В центральном проходе тоже кровь и отпечатки подошв, которые мы стараемся сохранить, так что вам лучше обойти слева. Держитесь ближе к стене.

Маура надела бумажные бахилы и двинулась по периметру часовни, прижимаясь к стене. Только обогнув первый ряд скамей, она увидела тело монахини, лежавшее лицом вверх, ее черное одеяние утопало в большой кроваво-красной луже. Обе руки уже были обернуты пакетами с целью сохранения улик. Молодость жертвы поразила Мауру. Монахиня, впус- тившая ее за ворота, и те, которых она видела в окне, были пожилыми. Эта женщина выглядела совсем молодой. У нее было утонченное лицо, а в бледно-голубых глазах застыло выражение странного покоя. Она лежала с непокрытой головой, обрамленной коротким ежиком светлых волос. Каждый нанесенный удар оставил след на верхней части черепа, превратив его в уродливую корону.

— Ее звали Камилла Маджинес. Сестра Камилла. Место рождения — Хианниспорт, — произнесла Риццоли холодно

и деловито. — Она была здесь первой послушницей за последние пятнадцать лет. В мае ее планировали постричь в монахини. — Она сделала паузу и добавила: — Ей было всего двадцать! — Злость наконец прорвалась сквозь завесу невозмутимости.

— Так молода...

— Да. Похоже, он избил ее до смерти.

Маура надела перчатки и присела на корточки возле трупа. Орудие убийства оставило на черепе множество рваных ран. Из поврежденной кожи торчали фрагменты костей, виднелся вытекший сгусток серого вещества. Хотя кожа на лице была практически не повреждена, она приобрела темно-пурпурный оттенок.

— Она умерла лицом вниз, — заметила Маура. — Кто перевернул ее на спину?

— Сестры, которые ее нашли, — пояснила Риццоли. — Они пытались нащупать пульс.

— В котором часу жертвы были обнаружены?

— Сегодня около восьми утра. — Риццоли взглянула на часы. — Примерно два часа назад.

— Уже известно, что здесь произошло? Что рассказали сестры?

— Из них трудно было вытянуть что-либо полезное. В монастыре сейчас всего четырнадцать монахинь, и все они в состоянии глубокого шока. Они ведь думают, что здесь безопасно. Под защитой Господа. И вот какой-то безумец врывается в их тихую обитель.

— Есть признаки вторжения?

— Нет, но проникнуть в монастырь не так уж сложно. Стены густо увиты плющом — можно без труда взобраться по нему. К тому же есть задняя калитка: она выходит в поле, где у них разбиты сады. Преступник мог проникнуть и оттуда.

— Остались следы?

— Здесь, внутри, совсем немного. А те, что могли быть на улице, похоже, замело снегом.

— Выходит, мы не можем утверждать, что преступник ворвался сюда. Вполне возможно, его выпустили через ворота.

— Это монашеский орден, доктор. На территорию впускают только приходского священника, который служит мессу и проводит исповедь. Есть еще женщина, которая работает в доме священника. Ей разрешают приводить с собой маленькую дочку, когда некому за ней присмотреть. И это все. Больше никому не дозволено заходить в монастырь без разрешения настоятельницы. Сестры тоже не покидают территорию. Разве что по врачебным предписаниям и в экстренных случаях.

— С кем-то уже удалось побеседовать?

— С матерью настоятельницей Мэри Клемент. И двумя монашками, которые обнаружили убитых.

— И что они говорят?

Риццоли покачала головой:

— Ничего не видели, ничего не слышали. Думаю, остальные скажут не больше.

— Почему?

— Вы видели, какие они старые?

— Ну, это не значит, что они непременно выжили из ума.

— Одна из них после инсульта ничего не соображает, у двух других болезнь Альцгеймера. Большинство монахинь спят в комнатах, окна которых выходят на задний двор, так что они просто не могли ничего видеть.

Поначалу Маура осматривала труп Камиллы, не касаясь его. Отдавая жертве последнюю дань уважения. «Тебе уже ничто не причинит боль», — думала она. Потом она начала пальпировать череп, чувствуя, как хрустят под рукой раздробленные кости.

— Множественные удары. Все они пришлись на темя и затылок...

— А что с отеком на лице? Это просто синяк?

- Да. И он застывший.
- Выходит, удары были нанесены сзади. И сверху.
- Возможно, нападавший был гораздо выше ее.
- Или же она была на коленях. А он стоял над ней.

Маура коснулась холодной плоти, и у нее перехватило дыхание, когда она представила себе молодую монахиню, коленапреклоненную, с опущенной головой, на которую сыплются страшной силы удары.

— Что же это за ублюдок, избивающий монашек? — сказала Риццоли. — Что же, черт возьми, происходит в этом мире?

Маура поморщилась. Хотя она и не помнила, когда в последний раз переступала порог церкви, тем более что верить перестала много лет назад, ей было неловко слышать такие слова в священном месте. Почтительное отношение к религии ей прививали с детства. Даже она, считавшая всех святых и совершаемые ими чудеса не более чем фантазиями, никогда бы не осмелилась произнести бранное слово перед распятием.

Но Риццоли была слишком взволнована, чтобы обращать внимание на такие тонкости. Взъерошенные сильнее обычного, ее волосы топорщились непослушной черной гривой и, намокшие под снегом, отливали стальным блеском. Под бледной кожей лица еще резче обозначились острые скулы. В полумраке часовни ее глаза казались раскаленными угольками, сияющими от ярости. Справедливый гнев был для Джейн Риццоли лучшим катализатором в погоне за преступником. Хотя сегодня его было, пожалуй, многовато, и ее буквально лихорадило. Лицо заострилось, — казалось, огонь пожирал ее изнутри.

Мауре вовсе не хотелось подбрасывать поленья в этот костер. Она старалась сохранять спокойствие и невозмутимость, вопросы задавала исключительно деловые. Этаким ученый, привыкший иметь дело с фактами, а не с эмоциями.

Она подняла руку сестры Камиллы и осмотрела локтевой сустав:

— Мышцы дряблые. Трупного окоченения нет.

— Выходит, с момента смерти прошло меньше пяти-шести часов?

— Надо учитывать еще и то, что здесь холодно.

Риццоли фыркнула, выпустив пар изо рта:

— Еще как.

— Я бы сказала, температура чуть выше точки замерзания. Поэтому трупное окоченение может наступить позже.

— Насколько позже?

— Трудно сказать.

— А что с ее лицом? А этот застывший синяк?

— Синее пятно могло появиться в течение получаса после смерти. Но точно установить время наступления смерти оно нам не поможет.

Маура открыла свой чемоданчик и достала химический термометр для измерения температуры внешней среды. Оглядев многослойное одеяние жертвы, она решила не измерять здесь ректальную температуру, а сделать это уже в морге, куда будет доставлен труп. Тускло освещенная молельня была совсем неподходящим местом для столь интимной процедуры. К тому же, приподнимая одежду, она могла уничтожить сохранившиеся на ней улики. Поэтому Маура достала шприцы, чтобы взять пробу стекловидного тела для последующего анализа на содержание калия. Это поможет рассчитать время смерти.

— Расскажите мне про другую жертву, — попросила Маура, прокалывая левый глаз трупа и медленно закачивая в шприц стекловидную жидкость.

Риццоли издала стон отвращения и, дабы избежать неприятного зрелища, отвернулась.

— Жертва, обнаруженная у двери, — сестра Урсула Рауленд, шестидесяти восьми лет. Крепкая старушонка, судя по всему. Говорят, она двигала руками, когда ее грузили в каре-

ту «скорой помощи». Мы с Фростом прибыли сюда, когда они уже отъезжали.

— Насколько серьезны у нее травмы?

— Я ее не видела. По последним данным, полученным из больницы Святого Франциска, она находится в хирургическом отделении. У нее множественные травмы черепа и кровоизлияние в мозг.

— Как и у этой жертвы.

— Да. Как у Камиллы. — В голосе Риццоли вновь зазвучала злость.

Маура поднялась, дрожа от холода. Брюки пропитались студеной водой, и теперь ее икры словно были закованы в ледяной панцирь. По телефону ей сообщили, что место преступления находится в помещении, поэтому шарф и теплые перчатки она оставила в машине. Но в этом неотапливаемом зале было едва ли теплее, чем на стилом монастырском дворе. Она сунула руки в карманы пальто, удивляясь тому, как Риццоли, тоже без шарфа и теплых перчаток, умудрилась так долго проторчать в этой холодной часовне. Казалось, Риццоли согревает ярость, и, хотя ее губы уже посинели, она явно не торопилась перебраться в тепло.

— Почему здесь так холодно? — спросила Маура. — Не представляю, как можно служить здесь мессу.

— А ее здесь и не служат. Эта часть здания никогда не используется зимой — обогревать слишком дорого. К тому же монахинь осталось совсем мало. На службу они ходят в маленькую приходскую церковь.

Маура вспомнила трех пожилых монахинь, которых видела в окне. Они, как слабые язычки пламени, готовились угаснуть одна за другой.

— Если эта церковь не используется, — сказала она, — тогда что здесь делали жертвы?

Риццоли тяжело вздохнула, и вырвавшееся из ее рта облако пара придало ей сходство с огнедышащим драконом.

— Никто не знает. Мать настоятельница говорит, что в последний раз видела Урсулу и Камиллу на молитве накануне вечером, около девяти. Когда они не появились на утренней молитве, сестры пошли их искать. Они не ожидали найти их здесь.

— Эти удары по голове... Похоже, они были нанесены в приступе безумной ярости.

— Но посмотрите на ее лицо, — заметила Риццоли, указывая на Камиллу. — Он не бил ее в лицо. Как будто щадил. И это наводит на мысль о том, что убийцей руководил не личный мотив. Он обрушил свою ярость не на нее конкретно, а на то, что она собой олицетворяет.

— Превосходство? — предположила Маура. — Сила?

— Забавно. Я бы предположила нечто связанное с верой, надеждой, милосердием.

— Просто я училась в католической школе.

— Вы? — Риццоли фыркнула. — Никогда бы не подумала.

Маура вдохнула прохладный воздух и взглянула на распятие, вспоминая годы учебы в школе Святых мучеников-младенцев. Суровые наказания, которые придумывала сестра Магдалена, преподававшая историю. Ее пытки были не физическими, а моральными и применялись исключительно к тем девочкам, которые, по мнению монахини, обладали излишней самоуверенностью. Лучшими друзьями четырнадцатилетней Мауры были не люди, а книги. Она легко справлялась со школьными заданиями и очень гордилась этим. Именно поэтому сестра Магдалена относилась к ней с особым пристрастием. Чрезмерную гордыню для блага самой же Мауры она пыталась подавлять унижением. Вызывая Мауру к доске, сестра Магдалена изощрялась как могла. Высмеивала ее перед всем классом, писала язвительные замечания на полях ее безукоризненных работ, громко вздыхала всякий раз, когда девочка поднимала руку, чтобы задать вопрос. В конце концов Маура покорила и замкнулась в себе.